

*Н. М. Усова***«ТРЕХФАМИЛИЕ» БАКСТА: РАБИНОВИЧ, РОЗЕНБЕРГ, БАКСТ.
ОТ ЛЕЙБЫ РАБИНОВИЧА ДО ЛЕОНА БАКСТА**

В наши дни и спустя 150 лет после рождения Л. С. Бакста (1866–1924), историко-биографические исследования, посвященные знаменитому художнику-декоратору, продолжают: уточняются сведения о его детстве, обсуждаются новые и ранее известные данные о родословной его семьи, включая имена, фамилии родственников, псевдоним самого Бакста.

Новые факты биографии художника изложены в статье профессора, академика Российской Академии художеств С. Голынца [13, с. 70], который тоже заинтересовался биографией художника. Поскольку Бакст был уроженцем белорусского Гродно, то «биографическая тема», естественно, представляет интерес и для белорусских архивистов и исследователей, работающих с документами Национального исторического архива г. Гродно.

Единственный известный документ, содержащий информацию о родителях Бакста — это копия его метрического свидетельства¹, представленная в связи с поступлением будущего художника вольнослушателем в Императорскую Академию художеств в 1883 г. Имя отца в нем значится как «Израиль Самуил Барух Хаимович Рабинович, а матери — Бася Пихусовна, урожденная Розенбергова» [5, л. 2]. Этот документ сразу озадачивает исследователя неизвестной ранее отцовской фамилией Бакста. Фамилия Бакста при рождении должна быть отцовской: Рабинович. Почему же она изменена на Розенберг? Почему отчество в метрике — Израилевич, а Бакст использовал отчество Самойлович? Одно время (по воспоминаниям Бенуа) он просил именовать себя не Самойловичем, а Семеновичем. [10, с. 610]. Последнее объясняется двойным именем отца (Израиль — Самуил), распространенным у ортодоксальных евреев. Из двойного имени отца Бакст в качестве отчества выбрал Самуила, а не Израиля, как значится в метрике.

В еврейских метриках, составленных в синогогальных книгах ученым раввином, полно писалось все четыре имени отца (собственное, имя отца, имя на иврите, данное при обрезании, и талмудическое) и, как правило, указывалось только

¹ Копия метрического свидетельства хранится в академическом деле Лейбы-Хаима Израилевича Розенберга, в фонде Императорской Академии художеств в РГАЛИ. На эту копию ссылается И. Пружан, автор изданной в 1975 г. первой наиболее полной монографии о художнике [14, с. 9]. Она, однако, избегает упоминания имен и фамилий родителей художника. Лев Бакст изначально выступает в ее книге как Лев Самойлович Розенберг. Этот же документ приводят в библиографии петербургские исследователи (доктор искусствоведения Д. Северюхин и О. Лейкинд на сайте, посвященном изобразительному искусству и архитектуре русского зарубежья) [20]. Исследователи указывают в биографии Бакста имя отца без объяснений, почему Бакст стал носить фамилию деда. Они прямо пишут, что Бакст — «сын потомственного почетного гражданина Санкт-Петербурга Самуила Баруха Рабиновича и Баси Розенберг».

одно из двух имен матери без указания фамилии ее отца. В данном случае почему-то сделано исключение: была указана девичья фамилия матери², что позволило узнать имя деда Бакста, сыгравшего столь значимую роль в его судьбе, — Пинхус Розенберг.

Владельцем магазина военной одежды и поставщиком мануфактуры в Петербурге, действительно, когда-то был Пинхус Хаймович Розенберг, родившийся в Пружанах в 1809 г., женатый на Ривке З. Моргенштерн из Вильно. Потомственный почетный гражданин и кавалер, в купеческом сословии с 1860 по 1867 гг., купец второй гильдии, в 1867 по 1871 гг. купец первой гильдии Санкт-Петербурга, он жил в доме Габса на Невском проспекте № 4 недалеко от Дворцовой площади. Розенберг записался из мещан в купечество, сразу же после выхода либеральных законов 1860-х гг., позволяющих евреям записываться в купеческие гильдии. Капитал купца первой гильдии, по требованиям, установленным в 1854 г., должен был превышать 50 тыс. рублей. Эти купцы имели право паспортных льгот, то есть свободного перемещения по России, а также освобождались от рекрутского набора.

Из многих других источников узнаем, что и другие дети Рабиновича стали носить фамилию деда [8, с. 345] Как же это могло произойти? Существует три версии первой смены фамилии отцом Льва Бакста.

Версия первая: смена фамилии при женитьбе родителей Бакста.

В опубликованной в 2016 г. статье «Семья Льва Бакста» об этом пишет Жан-Луи Барсак — внучатый племянник Бакста, внук его сестры Софии. Семейная легенда гласит, что некий господин Розенберг, коммерсант, имевший дочь на выданье, предложил Израилу — Самуилу Рабиновичу необычную сделку: если Самуил, известный толкователь Талмуда, окажет честь, женившись на его дочери, господин Розенберг обеспечит ее богатым приданым. Таким образом выдающийся талмудист сможет в полной мере посвятить себя религиозным исследованиям, не тревожась более о пустых материальных вопросах. Взамен его потомки должны будут носить фамилию их матери — Розенберг. Хорошо обдумав предложение, Самуил согласился и, заключив брак, взял фамилию Розенберг, ставшую таким образом, фамилией его наследников...» [9, с. 278].

Версия вторая: адаптация (усыновление) тестем, не имеющего мужских наследников, мужа дочери.

Как следует из метрики, в 1866 г., когда родился Лейба, его отец еще носил свою собственную фамилию — Рабинович. Кем же был отец Бакста, и почему ему

² Бася Пинхусовна Розенберг (в замужестве Рабинович, Боришанская) (1840(3) — 1896) — мать Л. С. Бакста. Вышла замуж в 15 лет и родила 10 детей: Янкеля (Гродно, ок. 1861), Абрама (Гродно, ок. 1864), дочь (данные неизвестны), Лейбу-Хаима (09.05.1866, Гродно — 28.12.1924, Париж), Сару (Софью) (ок. 1868, СПб — 1944, Париж) в замужестве Клячко, Рашель (Розалию) (26.05.1869, СПб — 1918, СПб) в замужестве Манфред, Исайю (31.08.1870, СПб — ок. 1920,?) — сотрудника газеты «Петербургский обозреватель», Мириам (19.01.1873, СПб — 08.12.1882, СПб), Лазаря (1874, СПб — 15.10.1875, СПб), Исаака (14.10.1876, СПб — 02.12.1881, СПб).

Сведения опубликованы Татьяной Юрьевной Михайловой, проводившей исследование по генеалогии своей семьи, уходящей корнями к ошмянским Бакштам, на основе оцифрованных метрик Центрального Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге и списков купцов Санкт-Петербурга за несколько лет. [15, 21]

потребовалась смена фамилии? Сама фамилия Рабинович, производная от «раввина», свидетельствовала о предках-раввинах со стороны отца. Поэтому в семейных преданиях отец художника Самуил Розенберг (Рабинович) считался ученым — талмудистом, кем был, вероятно, его отец или дед (что не исключало таких способностей и у отца Бакста)³. Ж.-Л. Барсак пишет, что он был «известным толкователем священных текстов, эрудитом, блестяще знающим Библию и Талмуд. Многие приезжали за его советами издалека, порой даже из других стран» [9, с. 278] (см. ил. 2 на вклейке между с. 80 и 81). Другие же источники указывают, что он был мелким торговцем — коммерсантом, держателем ссудной кассы, биржевым маклером. В семейном архиве племянниц Бакста сохранилась его фотография [11, с. 462] (см. ил. 1 на вклейке между с. 80 и 81). А. Н. Бенуа в своих воспоминаниях называл его «человеком зажиточным (биржевым деятелем), успевшим дать детям приличное начальное воспитание» [10, с. 609]. Со второй половины 1867 г. отец художника числился петербургским купцом 2 гильдии, а значит, имел капитал в 20 тыс. рублей, который ему был, вероятно, передан тестем.

Самуил был «очень культурный человек, оказал на семью большое влияние, ...был возвышенной души человек, редкий, и дети его обожали» [16, с. 63.] По воспоминаниям племянниц, их богатый прадед, имея единственную дочь, усыновил бедного зятя и дал ему свою фамилию, дабы тот как единственный сын у родителей избежал воинского призыва. Это вполне могло случиться накануне выхода Манифеста о всеобщей воинской повинности 1874 г., согласно которому воинскому призыву подлежали все мужчины, достигшие 20-летнего возраста.

Кроме того, из метрик Петербургской хоральной синагоги известно, что в 1870 г. у 61-летнего Пинхуса Розенберга от второго брака в Петербурге родился мертворожденный сын и, отчаявшись получить прямого наследника, он и решился на усыновление зятя и испросил на то Высочайшее разрешение. В 1870 г., после усыновления тестем⁴, он становится Розенбергом, потомственным Почетным гражданином Санкт-Петербурга. Получалось, что после усыновления купцом первой гильдии Розенбергом гродненские мещане — муж и жена Рабиновичи — стали Розенбергами (сыном-наследником и дочерью). Вероятно, именно таким образом после усыновления дедом отца художника 4-летний Лейба Рабинович и его младшие сестры — София (Сара), Розалия (Рашель) — стали Розенбергами. Исая и остальные дети, родившиеся после 1870 г., имели эту фамилию уже при рождении. Вся семья с 1867 г. получила возможность вырваться из черты еврейской оседлости и переехать из Гродно в столицу благодаря купеческому статусу отца художника и богатству его деда — Розенберга.

Фамилия деда (Розенберг) относится к распространенному типу немецко-еврейских фамилий, состоящих из двух немецких слов: Rosen — «роза» и Berg — «гора». Следовательно, она может быть переведена как «гора роз», или «розовая».

³ Раввин Шмуэль (Самуил) Яков Рабинович принимал участие во Всероссийской сионистской конференции в Минске в 1902 г. [12, с. 88;] Возможно, он имеет какое-то отношение к роду отца художника.

⁴ Санкт-Петербургская купеческая управа выдала Свидетельство об усыновлении от 3 сентября 1870 г. № 2899. Сведения найдены Т. Ю. Михайловой.

гора». Первые еврейские фамилии в Германии появились в больших еврейских общинах в конце средних веков, когда фамилии давались очень немногим евреям (в основном, мудрецам, знатокам Торы или очень богатым и известным людям). Из богатой семьи был и дед Бакста. По семейным легендам, он работал в молодости портным в Париже, дружил с герцогом Шарлем де Мори, разбогател на поставках сукна в русскую армию и переехал в Санкт-Петербург, где в 1870 г. за заслуги перед городом ему было пожаловано почетное гражданство. Биограф Бакста А. Левинсон называет его «старым парижским львом» [13, с. 72]. Парижскую молодость деда косвенно подтверждают и письма Бакста о неких парижских родственниках⁵. Дед Бакста был предприимчивым коммерсантом: в 1874 г. он вступил в выгодное дело, сулившее большие барыши. Речь идет о «Товариществе электрического освещения Лодыгин и К°», которое должно было обеспечить столицу электрическими фонарями [19]. «Его квартира производила на Левушку большое впечатление: так красиво, с таким вкусом она была убрана; сам прадед был шикарно одетый господин; он жертвовал много на приюты для бедных, и царь Александр II ему пожал руку, благодаря его» [16, с. 63]. Розенберг, действительно был почетным старейшиной Санкт-Петербургского детского Николаевского приюта [13, с. 71]. Этот дедовский вкус и изящество в одежде, страсть к декорированию жилища и его портняжье прошлое в Париже, думается, сказались впоследствии на внучке, его любви ко всему красивому — в одежде и в интерьерах.

После смерти Пинхуса Розенберга, последовавшей 11 марта 1881 г., встал щекотливый вопрос о наследстве. Кто должен был его получить: законная жена, а теперь вдова Ривка, урожденная Моргенштерн, приемный сын Израиль (Шмуэль, Самуил) или его единственная законная дочь Бася? Из-за раздела наследства последовала серия талмудических разводов с последующей немедленной женитьбой (12 июня 1881 г., 21 апреля 1885 г.). Реальный же развод состоялся 3 апреля 1886 г. Еще через 3 месяца отец Бакста женился вторично, (но оставался при этом, как сын Розенберга, потомственным гражданином Петербурга). Умер он 21 февраля 1890 г., оставив половину наследства молодой жене. Бася Розенберг вышла замуж за петербургского купца Михаила Соломоновича Боришанского, человека, промотавшего все ее состояние и раньше времени сведшего ее в могилу. Мать Бакста умерла в декабре 1896 г. Об этом Бакст откровенно пишет в автобиографической повести «Жестокая первая любовь» [7].

Племянница Бакста М. М. Клячко вспоминала: «Родители Льва разошлись и развелись. Мать их вышла замуж — а отец женился, думая дать возможность детям жить с ним. Но взрослым детям стало невозможно жить вместе с мачехой... Дядя, мама, их сестра и младший брат поселились отдельно в маленькой квартирке, денег было немного. Зарабатывали мама и тетя — уроками, младший их брат писал заметки в театральном отделе газеты, а дядя Лева не брезговал никакой рисовальной работой...» [11, с. 9].

⁵ Факт приезда из Парижа в Петербург кузины Бакста Джин с матерью, вероятно, родственников деда, которые остались жить во Франции, зафиксирован в письмах художника 1903 г. [8, с. 68].

Со смертью отца в 1890 г. растаяло семейное благосостояние. Заботы о семье легли на плечи еще совсем молодого Бакста, пытавшегося держать привычную с детства марку обеспеченного человека. «Нуждавшийся тогда и на улице ходивший (бегавший) в плохом пальтишке даже зимой он в комнатах одет был всегда изысканно, даже с оттенком франтовства...», — вспоминал П. Перцев. [13, с. 82].

Первое упоминание о художнике «Льве Баксте» и его картине «Супруги» появилось в прессе в декабре 1889 г. Именно после смерти отца Лев все чаще стал использовать в журнальной графике, а затем и в живописи, имя «Лев Бакст», вопреки закону «Об именах», вышедшему в 1893 г. и предусматривавшему уголовное наказание в отношении евреев, именовавших себя в общежитии не теми именами, какими они были означены в метрических книгах. Однако это был еще и творческий псевдоним, часто применявшийся в России, особенно литераторами. В среде русских художников псевдонимы встречались редко.

Почему же художник, рожденный как Рабинович, числившийся в официальных бумагах как Розенберг, внезапно стал Бакстом? Почему он не захотел использовать эти достойные еврейские фамилии своего отца и деда? Чем оказалась притягательной именно фамилия «Бакст» для молодого человека? Эту историю опутывают семейные тайны, и каждый исследователь трактует (или, запутавшись, уходит от нее) ее по-разному. Думается, выбор ее не случаен.

Первая версия была выдвинута Александром Бенуа. Он полагал, что Бакст — фамилия дяди или деда. Псевдониму Л. Бакст «Левушка давал довольно путаное объяснение — будто он избрал такой псевдоним в память уже почившего своего родственника, не то дяди, не то деда», — вспоминал Александр Бенуа [10, с. 609]. Такой обычай именования новорожденных в честь умерших родственников, действительно, существовал у евреев. Эта версия ближайшего друга художника имеет полное право на существование. А. Н. Бенуа писал: «Я и сейчас не обладаю достоверным объяснением имени «Бакст», которое Левушка со дня на день предпочел фамилии Розенберг. Последняя значилась у него в официальных бумагах. Едва ли в данном случае действовала встречавшаяся иногда в еврейском быту адаптация дедом внука, что делалось главным образом для того, чтоб внуку избежать военной повинности» [10, 09]. Из этих рассуждений ясно, что Бенуа предполагал, что фамилия деда (дяди) его приятеля — Бакст.

Вторая версия принадлежит племяннице Бакста Марии Клячко: Бакст — девичья фамилия матери художника. Московская исследовательница, сотрудница отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи Елена Теркель в своей публикации [16, с. 63], основываясь на семейных воспоминаниях племянницы Бакста М. М. Клячко (1895–1994), указывает имя деда — Бакстер, а не Розенберг, и называет псевдоним художника «Бакст» — девичьей фамилией матери художника.

Версия третья исследовательницы И. Пружан: Бакст — фамилия бабушки по материнской линии. И. Н. Пружан без ссылок на источник в своей книге написала, что «фамилию «Бакст», которую он принял в 1889 г., носила его бабушка по материнской линии». [14, с. 9] Это та самая загадочная бабушка, которая по семейным рассказам, отказалась ехать в Петербург со своим мужем, устранившись железной дороги. Возможно, эта семейная легенда маскирует иную причину:

желание деда иметь потомков мужского пола. Может быть, он просто не взял ее с собой в столицу. Судя по письмам Льва Бакста, в 1891 г. его бабушка уже жила вместе с дочерью в Петербурге. Имя ее в переписке никогда не называется, но именно она, по семейным преданиям, и носила в девичестве фамилию Бакстер. Племянницы вспоминают о некоей бабушке Гитле. Однако ее имя так документально и не установлено.

Четвертая версия указана на сайте Национальной библиотеки Франции: псевдоним идет от фамилии бабушки по линии отца⁶.

Все эти разночтения — из-за отсутствия в архивах сведений о родословной художника, о его предках — совершенно не изученные страницы биографии Бакста.

Что же дают гродненские архивы?

Бакст фактом рождения был связан с Беларусью. Ребенком он недолго, около двух лет, (если учесть, что Рашель родилась уже в Петербурге в 1869 г.) жил в губернском Гродно. Свидетельств его пребывания в городе нет, за исключением недавно опубликованной фотографии годовалого Лейбы, выполненной в фотоателье Гродно [9, с. 12]. В раннем детстве будущий художник переехал вместе с родителями в дом деда в столицу — Санкт-Петербург. В 1874 г. восьмилетний Бакст уже учился в 6 классической гимназии в Петербурге, расположенной на ул. Театральной (ныне Зодчего России, 5).

Где жили родители Бакста в Гродно? Место проживания Розенбергов и Рабиновичей по документам Национального исторического архива г. Гродно устанавливал гродненский историк и краевед Игорь Георгиевич Трусов. Он провел эти архивные изыскания по заказу минского литератора В. Г. Счастливого — автора биографической книги о Льве Баксте «Жизнь пером Жар-птицы», вышедшей в Минске в 2016 г.⁷ Трусов полагает, что родители Льва Бакста не были коренными гродненцами, так как в списках домовладельцев Гродно за 1783, 1796, 1834 гг. нет ни Рабиновичей, ни Розенбергов, ни Бакстеров. После прокладки в 1862 г. железной дороги от Санкт-Петербурга Варшавы Гродно стал привлекательным городом для евреев-переселенцев из неперспективных местечек, таких, к примеру, как Белосток и Вильно (см. ил. 3 на вклейке между с. 80 и 81). По предположениям историка, именно тогда, в начале 1860-х, Рабиновичи и Розенберги попали в Гродно.

Семья Рабиновичей была либо приезжей, либо бедной, так как в делах о взимании налога владельцев имущества фамилии Рабинович появляются только в 1911 г. Это Давид Абрамович и Ицко Шлемов Рабинович, вероятно, родственники отца [1, с. 8а].

Более полно в делах 1880-х гг. представлены Розенберги. Среди них были и бедные портные, и богатые владельцы домами и складами. Так, в 1911 г. на улице Артиллерийской находился дом Розенбергов и в нём пивная лавка [2, л. 65]. Мещанка Лея из Розенбергов (в замужестве Эпштейн), жившая напротив острога

⁶ В Национальной библиотеке Франции хранится переписка Л. Бакста, в том числе и его биографические заметки [23].

⁷ Сведения ранее не публиковались и не использовались В. Г. Счастливым. И. Г. Трусов любезно предоставил материалы автору статьи. Выражаю признательность В. Г. Счастливого и И. Г. Трусову за возможность использования архивных изысканий.

в доме Хинского и Крынского, содержала гостиницу, имея годовой доход в 500 руб. [3, л. 52-об.]. На улице Соборной в доме Шмигельских находился аптечный магазин и склад Розенберга в трех комнатах [4, л. 355-об.]. На той же Соборной улице в доме Чертка проживал Шлёма Давидович Розенберг (1824 г. р.) с сыновьями [5]. Он занимался портным ремеслом, дававшим ему доход в 250 руб. в год. На Соборной № 16 в доме Мордхеля Франка находился магазин и мастерская Розенберга (имя не указано) в трёх комнатах [4, л. 366 об.]. Таким образом, можно предположить, что родители Бакста жили в районе улиц Артиллерийской — Соборной, то есть в самом центре города (см. ил.4 на вклейке между с 80 и 81).

Дед и мать Бакста принадлежали к этому довольно богатому гродненскому семейному клану. Фамилия «Бакстер» (гипотетической жены Розенберга) среди списков гродненских евреев, по изысканиям Игоря Трусова, вообще не встречается⁸. Это означает, что если жена деда и носила такую фамилию, то она была приезжей, не местной. Зато есть немногочисленные «Бакшты».

Фамилия «Бакст» произносилась изначально как «Бакшт» и шло от местечка Бакшты Ошмянского уезда в бывшей Виленской губернии, которое располагалось недалеко от Гродно, на полпути между Минском и Вильно. Много Бакстов (Бакштов) жило в Ошмянах, Новогрудке, Воложине, Мире, Минске, немного — в Гродно. Некоторые Баксты (Бакшты), как и многие евреи, жившие в Гродно, эмигрировали в США в начале XX в., когда из-за черносотенных погромов Россию покинули более 2 миллионов евреев. Жили Баксты и в Петербурге.

25 сентября 1895 г. скончался в Петербурге сотрудник министерства иностранных дел, переводчик и редактор Осип Исаакович Бакст родом из Мира (под Минском), в купеческом сословии с 1876 г., женатый на Марии Борисовне Розенберг (1851–1917). Доказательств, что Мария Борисовна приходилась некоей родственницей (сестрой или племянницей) деду художника Пинхусу Хаимовичу Розенбергу пока не найдено. Но Лев мог быть знаком с просветительской деятельностью Осипа Исаковича (например, его переводом книги Э. Гехта «Очерк истории еврейского народа», изданной в Петербурге в 1881 г.) через нее или своего первого учителя живописи академика Исаака Аскназия из Дриссы, мечтавшего о создании «еврейской школы живописи». «...О религии отцов Левушка отзывался с великим пиететом и даже оттенком какого-то «патриотизма». Послушать его, так самые видные деятели науки и искусства и политики в прошлом были все евреями. <...> И в принадлежности к еврейству Рембрандта он не сомневался на том основании, что великий мастер жил в еврейском квартале Амстердама. <...> Одного из таких раввинов Рембрандта он как раз копировал в Эрмитаже...», — вспоминал А. Бенуа. [10, с. 610].

Другая ветвь Бакстов, эмигрантов из Беларуси, осела в США. Бакст в письме из Нью-Йорка 1923 г. сам упоминает американских Бакстов — братьев Абрахама, Марка и Осипа Хаимовичей, которые узнав о его приезде в США, нашли ставшего

⁸ «Бакстер» переводится с германского диалекта нидерландского языка (распространенного в южной Голландии) как «пекарь». Возможно, предки Бакстеров были пекарями и когда-то переехали из Голландии.

знаменитым художника. При встречах они говорили о семейных связях, скорее всего по отцовской линии. Он сообщал в письме сестре Софии: «...Были у меня оба Бакста, старший, доктор, не пришел, занятый визитами. Они большие богачи и говорят из верных источников, у них около полутора миллионов франков годового дохода. Милы, очаровательно любезны, жаждут моего общества и, кажется, хотят заказать портрет его (Abrahama)⁹ жены и сына маленького. Я им рассказывал про **папу**, нашу семью, про тебя и детей» [8, с. 230, 319].

Из опубликованных в интернет-источниках еврейских родословных известно, что некая Адля Рабинович из Кременчуга, возможно, родственница (племянница, младшая сестра отца?) вышла замуж за лесопромышленника Абрахама Аарона Бакста (1852), приписанного к Ошмянскому кагалу, и вместе с мужем эмигрировала в США [22]. Обе эти семьи, возможно, состояли в родстве. Неслучайно американские Баксты — родственники отца в США навестили его в Нью-Йорке, а затем и в Париже.

Псевдоним «Бакст», таким образом, мог быть взят по фамилии по мужу его родственницы по отцовской линии родом из Кременчуга. Эти богатые Баксты в Америке нажили большое состояние, что впечатлило, очевидно, более бедных родственников отца. Основали в США успешную фармацевтическую фирму «Бакст Бразерс» («Bakst Brothers») и сыновья Хаима Бакста — эмигранты из Минска.

В еврейской традиции именам придается особое значение. «Есть такие люди, что все, что названо их именем, имеет успех», — написано в «Сефер хасидим» — книге еврейской мудрости. Фамилия Бакст ассоциировалась с успешностью, умом и удачей и петербургских ее носителей и американских родственников. Кроме того, короткая и запоминающаяся фамилия «Бакст» не звучала как еврейская, что было важно для молодого художника в Петербурге. Кажется, что именно эти обстоятельства, а не сложные отношения с матерью — «строгой и вспыльчивой женщиной», как предполагает Ж.-Л. Барсак [9, с. 278], послужили причиной желания окончательной смены фамилии Розенберг на Бакст.

Избрав в юности эту «счастливую», звучную и легко произносимую на всех языках фамилию своей родни, Бакст, вероятно, подсознательно надеялся, что именно она принесет ему славу и деньги. Так и случилось. Величайшим счастьем для художника была взаимная любовь к Любови Павловне Гриценко, дочери знаменитого основателя Третьяковской галереи П. М. Третьякова (см. ил. 5 на вклейке между с. 80 и 81). «Как Б(акст) ни еврей, но я себе его больше вижу мужем, чем чем-нибудь другим...», — писала она сестре [18].

В 1903 г. перед венчанием Бакста с Любовью Гриценко (урожденной Третьяковой) встал вопрос о переходе из иудаизма в лютеранство (иудеям запрещалось вступать в брак с православными)¹⁰ и смене официально зарегистрированной фамилии Розенберг на другую фамилию — прижившийся творческий псевдоним «Бакст». Об этом при посредничестве А. Н. Бенуа просил художника С. С. Боткин,

⁹ Абрахам Бакст, сын Хаима Бакста, родился в 1880 г. в Минске и эмигрировал в США вместе с двумя старшими холостыми братьями в 1891 г.

¹⁰ Бакст перешел сначала в лютеранство, а затем вскоре — в православие [7, с. 3].

муж младшей дочери Третьякова Александры, сестры Любви Павловны, очевидно, предвидя возможные трудности при наследовании этой фамилии будущими детьми пары — внуками Павла Михайловича Третьякова. Бакст пишет Любви Павловне: «Вчера важный разговор с С. С. о тебе при Шуре. Относительно религии и об вещи очень мне неприятной. Именно о моей фамильной фамилии. Они согласны со мной, что надо подать прошение на Высочайшее имя, для того, чтобы мне и тебе утвердили фамилию Бакст и отняли фамилию Розенберг. Они думают, что просьбу уважат, но, пожалуй, затянется...» [9, с. 78]. Специальным Уголовным положением, принятым в 1903 г., были подтверждены законы, которые предусматривали наказание за самовольную смену имени и фамилии, под которыми евреи записаны в свидетельстве о рождении. Запрещалось менять фамилию даже при переходе в другое вероисповедание. Допускалась лишь двойная фамилия, которую супруги могли получить лишь с высочайшего соизволения и при особых на то причинах. Судя по всему, прошение так и не было отправлено, так как Любовь Павловна во втором замужестве носила фамилию Розенберг¹¹ [6, л. 1–3 об.], а в официальном документе — визе, выданной американской консульской службой в 1923 г., (см. ил. 6 на вклейке между с. 80 и 81) художник фигурировал сразу под тремя именами: под двойной фамилией Леон Розенберг-Бакст, под паспортным именем Розенберг Лейба-Хаим (с припиской — «именуемый Леон Бакст») [17, с. 68].

Еще в 1909 г. после небывалого парижского успеха он изменил на французский манер и свое русифицированное при переходе в лютеранство, а затем в православие имя Лев, производное от еврейского «Лейба», и стал подписываться «Leon Bakst», сделав из своего имени узнаваемый европейский бренд.

Как в свое время отец Бакста отказался от своей фамилии, чтобы избежать армии и переехать в столичный Петербург, так и Лейба (Самуил) Хаим Израилевич Розенберг вынужден был сменить свою «фамильную фамилию» на более благозвучную, чтобы скорее добиться признания в царской России, ограничивающей в правах евреев. Его сын Андрей (1907–1972), родившийся в России в 1907 г., тоже носил отцовскую фамилию Розенберг [6, 23]. Как художник театра и кино он известен во Франции как Андре Бакст.

Под псевдонимом — фамилией «Бакст» и отец, и сын похоронены в Париже, Лев Самойлович — на кладбище Батиньоль, Андрей Львович — на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Несмотря на то, что Бакст никогда после переезда в Петербург не был в Гродно и вряд ли многое помнил из своего раннего белорусского детства, он, живя в толерантном полиэтническом Париже, не стремился затушевать свое еврейское происхождение, хотя часто называл иностранцам местом рождения не Гродно, а Петербург. Напротив, в 1920-е гг. подчеркивал его, изображая в Париже на своих

¹¹ Сведения эти впервые найдены и любезно предоставлены российской исследовательницей Еленой Ивановой (США) на основе данных из прошения Любви Павловны Розенберг на Высочайшее имя от 20 ноября 1910 года о возвращении ей после развода с Л. Бакстом фамилии первого умершего мужа Н. Н. Гриценко [6, с. 1–3 об.]. Просьба Л. П. Розенберг была удовлетворена.

фирменных бланках «Звезду Давида», мечтал выдать племянниц за богатых американских евреев.

Он всегда серьезно относился к вопросам религии, тяжело переживал необходимость ее смены при вступлении в брак с православной и вернулся к религии предков сразу же после развода с Любовью Павловной в 1910 г. От других еврейских художников он отличался тем, что волею судьбы не испытал унижения принудительной жизни в «черте оседлости», ребенком попав в столицу, хотя вполне ощутил на себе тяжесть возвращения к религии предков в 1910-е годы, получив предписание покинуть столицу и вернуться в черту оседлости. Тем не менее, Бакст, яркий представитель русской культуры, кровно и ментально был связан с Западной Беларусью, где он родился, в молодости жили его родители, предки с материнской стороны. Он материально поддерживал свою белорусскую кормилицу, с которой на всю жизнь сохранял трогательные отношения. Его белорусское еврейство, «иноплеменность», по выражению А. Н. Бенуа, была слышна по описанному Александром Бенуа особому певучему «пикантному» говору, со своеобразными ударениями, и протяженными типично еврейскими интонациями. Хотя изъяснялся он правильным русским языком, но на особом наречии: это был унаследованный им специфический говор его родителей — выходцев из белорусских местечек черты еврейской оседлости, который не вытравили из них даже годы жизни в Петербурге.

И последнее. Наши рассуждения о трех фамилиях Бакста носят не только узко биографический и фактологический характер: действительно, так ли уж важно, чью именно фамилию принял Бакст в качестве творческого псевдонима — деда, бабушки, матери или тетки? Важно лишь то, что он своим трудом и талантом художника сделал выбранную в качестве ментального талисмана им же самим фамилию знаменитой. Смена фамилии и видоизменение имени на русский или французский лад проходили психологически относительно легко, ибо для ортодоксального еврейства фамилия в отличие от имени не имела родового смысла, ибо она была придумана чиновниками в XIX в. для идентификации личности и взятия на государственный учет конкретного человека. Но частная и подспудная история троекратной перемены фамилий на протяжении одной человеческой жизни представляет тот конкретный исторический фон и непростой жизненный контекст, на котором проходило восхождение Бакста к мировой славе. И это выбранное им самим и ставшее его лично завоеванным имя уже имело огромное значение для художника: оно стало не только его ментальным талисманом, но и товарным знаком (trade mark) его творчества, именем, которое он с гордостью передал своему сыну, и которым он вошел в историю мирового искусства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дело о взыскании государственного налога с имущества // Нац. ист. арх. г. Гродно. Ф. 304. Оп. 1. 1911 г. Л. 18 а, 290, 294.
2. Дело по наблюдению за исполнением промышленного налога // Нац. ист. арх. г. Гродно. Ф. 304. Оп. 1. 1912 г. Д. 16. Л. 65.
3. Сведения о лицах, пострадавших от пожара 1885 года в Гродно // Нац. Ист. арх. г. Гродно. Ф. 45. Оп. 1. Д. 4. Л. 52 об.

4. Инвентарная опись недвижимого имущества гор. Гродно // Нац. ист. арх. г. Гродно. Ф. 304. Оп. 1. 1910–1915 гг. Д. 72. Л. 355 об., 366 об.
5. Личное дело Л. И. Розенберга // РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 138. Л. 2.
6. Прощение Любови Павловны Розенберг от 20 ноября 1910 года о возвращении ей после развода фамилии первого умершего мужа Н. Гриценко // РГИА. Ф. 1412. Оп. 29. Д. 280. Л. 1–3 об., 11–14 об.
7. Бакст Л. С. Моя душа открыта: в 2 кн. / сост., вступ. ст. и коммент. Джон Э. Боулт, Елена Теркель. М.: Искусство — XXI век, 2012. Кн. 1. 403 с.
8. Бакст Л. С. Моя душа открыта: в 2 кн. / сост., вступ. ст. и коммент. Елена Теркель, Анна Чернухина. М.: Искусство — XXI век. 2012. Кн. 2. 351 с.
9. Барсак Ж.-Л. Семья Льва Бакста // Leon Bakst. К 150-летию со дня рождения: каталог выставки, 8 июня — 4 сентября 2016 г. М.: MADCdesign. 2016. С. 278–281.
10. Бенуа А. Н. Мои воспоминания: в 5 кн. Изд. 2-е, дополненное / отв. редактор Д. С. Лихачев. М.: Наука. 1990. Кн. 1, 2, 3. 711 с.
11. Генкина М. Дар Берты М. Цыпкевич (Париж). О коллекции Л. Бакста в Музее Израиля, Иерусалим // Евреи в культуре Русского Зарубежья. 1919–1939: сб. ст., публикаций, мемуаров, эссе / сост. М. Пархомовский. Иерусалим: 1993. Вып. 2. С. 451–464.
12. Герасимова И. П. Первая конференция сионистов в России // Российский сионизм история и культура: материалы научной конференции. Москва, 2002. С. 87–110.
13. Голынец С. В. Рабинович-Розенберг-Бакст. С. П. Дягилев и современная культура: материалы межд. симпозиума, Пермь, май 2012 — май 2013 гг. / сост. и науч. ред. О. Р. Левенков, Пермь: Книжный мир, 2014. С. 70–88.
14. Пружан И. Н. Лев Самойлович Бакст. М.: Искусство. 1975. 231 с.
15. Справочная книга о лицах Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия на... [1865–1880, 1882–1913,] год. Пг., 1865–1916.
16. Теркель Е. А. Лев Бакст. Семья и творчество // Третьяковская галерея. 2008. № 1 (18). С. 63–67.
17. Теркель Е. А. Успех редкостно огромный. Америка в творчестве Бакста // Третьяковская галерея. 2011. № 2 (31). С. 59–79.
18. Библиотека юного исследователя [Электронный ресурс] // Фрагмент Договора «Товарищества на вере». URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000084/st017.shtml> (дата обращения: 15.08.2016).
19. Ancestry [Электронный ресурс] // URL: http://www.ancestry.co.uk/genealogy/records/abraham-aaron-bakst_109245524 (дата обращения: 18.03.2016).
20. Искусство и архитектура русского зарубежья [Электронный ресурс] // URL: <http://www.artsz.ru> (дата обращения: 15.02.2016).
21. Еврейские корни [Электронный ресурс] // URL: <http://forum.j-roots.info/viewtopic.php?f=6&t=4997> (дата обращения: 17.03.2016).
22. Лев Бакст. Семейный архив рассказывает... [Электронный ресурс] // Государственная Третьяковская галерея. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fgijAkajQYQ> (дата обращения: 04.11.2016).
23. NAF14688. [Электронный ресурс] // Foliotation. F. 30–37. Bakst, Léon, peintre. Note(s) autobiographiques. URL: <http://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc73221/cd0e156> (дата обращения: 11.04.2016).